

A person with long hair, seen from behind, is walking away from the viewer down a long, dark, and dilapidated hallway. The walls are peeling and the floor is covered in debris. A bright light source is visible at the end of the hallway, creating a strong silhouette effect.

Елизавета Смирнова

«Город, который стирает имена»

18+

Елизавета Смирнова

«Город, который стирает имена»

«Автор»

2026

Смирнова Е.

«Город, который стирает имена» / Е. Смирнова — «Автор», 2026

«В городе, где каждый шаг расписан заранее, Света внезапно становится «отклонением». Её имя исчезает из маршрутов, а привычный подъезд стирают из реальности. Чтобы не стать ошибкой в отчёте системы, ей придётся научиться быть невидимой — и найти тех, кто уже знает, как прятаться в слепых зонах города. Но главное — понять, остался ли в этом новом мире Дима, которого система уже вычеркнула из её сценария.»

© Смирнова Е., 2026

© Автор, 2026

«Город, который стирает имена»

Света стояла на своей остановке — той самой, где каждое утро было одинаково до тошноты. Тот же столб с облупившейся рекламой корма для кошек, тот же покосившийся козырёк, тот же запах сырого асфальта после ночного дождя. Она смотрела на расписание, прибитое к столбу, и пыталась просто дышать: вдох — и в нос лезет этот городской запах, выдох — и будто чуть легче.

Автобус опаздывал на семь минут. Это было нормально. Это было привычно. Это держало мир на месте: если автобус опаздывает на семь — значит, законы работают.

Она снова глянула на расписание — и вдруг поняла, что это не расписание.

На листе, под привычной сеткой строк, чёрным маркером было выведено:

Света К., 07:43, маршрут 114, пункт назначения: корректировка.

Имя. Время. Маршрут. Пункт. Как будто она не человек, а груз, который надо перевезти по графику.

Света провела пальцем по надписи — бумага была шершавой, настоящей, не фантомной. И буквы не размазались.

А потом подъехал автобус. Не старый, с потёртыми сиденьями и объявлениями про шиномонтаж, а чистый, слишком чистый — будто только с мойки. На электронном табло вместо номера маршрута горела фраза: «Маршрут скорректирован».

Водитель смотрел прямо на неё. Не в сторону, не сквозь, а именно на неё — спокойно, буднично, как будто ждал. И кивнул:

— Садись. Ты по расписанию.

У неё внутри всё оборвалось. Хотелось закричать: «Я не по расписанию! Я просто жду автобус!» — но голос застрял где-то в горле, и вместо крика вышло тихое:

— Я не поеду.

Из-за угла, не торопясь, прошёл мужчина в обычной куртке, в джинсах, без всяких спецкостюмов и гаджетов. Лицо усталое, как у того, кто слишком долго работает в ночную смену. Он не остановился, не замедлил шаг — просто бросил на ходу, не глядя на неё:

— Ты выбилась из графика. Если не сядешь в этот автобус, тебя снимут с маршрута.

И пошёл дальше. Как будто это самая обычная фраза, которую говорят каждый день.

Света вцепилась пальцами в край козырька. Металл был холодным, твёрдым — и это держало её в реальности. Она посмотрела на автобус. На водителя. На расписание с её именем.

И вдруг поняла одну страшную вещь: никто не хочет её похитить, никто не хочет ей зла. Просто для них она — сбой в графике. И они не злые. Они просто делают свою работу.

Телефон в кармане завибрировал. Света вытащила его дрожащими пальцами. На экране — сообщение от Димы. От Димы, которого нет уже три дня:

«Не садись. Не смотри на расписание. Просто уходи. Прямо сейчас.»

Она подняла голову. Автобус всё ещё стоял. Водитель всё ещё смотрел. Расписание всё ещё висело. Город вокруг замер в этой неловкой паузе — как будто ждал, какое она примет решение.

И Света сделала шаг. Не к автобусу. В сторону. По тротуару. Туда, где не было расписаний, где не было пунктов назначения.

Мир тихо скрипнул — как старая дверь, которую пытаются закрыть, но она не слушается.

Света сорвалась с места — не побежала, а будто её дёрнули за невидимую верёвку. Мимо пронесли киоск с газетами, урна, в которую кто-то швырнул стаканчик, покосившийся дорожный знак — всё знакомое, привычное, родное, и от этого хотелось плакать.

Она не смотрела назад. Только вперёд: тротуар, перекрёсток, дворовая арка, подъезд — как маяки. Если добежать до подъезда, до своей двери, до коврика, на котором она каждый вечер стряхивает с ботинок городскую пыль, — значит, реальность ещё можно удержать.

Асфальт бил по подошвам, дыхание рвалось из груди, а в голове стучало: «Просто добеги. Просто до своей двери. Там всё будет как надо».

Арка двора показалась спасительной — тёмной, узкой, своей. Света нырнула в неё, и на секунду стало легче: тут пахло мокрым кирпичом и старыми яблоками, тут тени лежали привычно, не кривыми углами, а как положено.

Но стоило ей добежать до подъезда — и сердце ухнуло вниз.

На двери висела новая табличка. Не та, что была вчера. На ней аккуратным шрифтом значилось: «Корпус 3Б. Временно закрыт на техобслуживание. Вход со стороны улицы Ленина».

А её подъезд — её родной подъезд с облупившейся краской на косяке и кнопкой звонка, которая всегда залипала, — будто стёрли. Вместо него стоял этот чужой, правильный, «временно закрытый» блок.

Света прижалась спиной к стене арки, будто та могла её защитить. Пальцы дрожали, когда она снова vytатила телефон. Сообщение от Димы всё ещё горело на экране: «Не садись. Не смотри на расписание. Просто уходи. Прямо сейчас».

Она набрала ему — и в трубке не было даже гудков. Просто тишина. Такая, в которой слышно, как мир перелистывает страницу и не замечает, что ты на ней ещё стоишь.

И тут из-за угла, со стороны улицы Ленина, вывернулся тот самый мужчина в обычной куртке — тот, что бросил ей про «снимут с маршрута». Он не бежал, не гнался, просто шёл размеренно, буднично, как дворник, который идёт подмести листья.

— Ты не по графику, — спокойно сказал он, подходя ближе. — Надо вернуть тебя на маршрут.

Света покачала головой, прижимаясь к стене:

— Это мой дом. Мой подъезд. Я тут живу.

Мужчина чуть склонил голову, будто слушал что-то в наушнике, которого не было видно.

— В базе данных по этому адресу нет регистрации на твоё имя. Ты выбилась из системы.

Слово «система» ударило холоднее ветра.

Света посмотрела мимо него — туда, где должна быть её дверь. И вдруг заметила: на стене, между кирпичами, в узкой щели, торчал уголок старого, выцветшего стикера. Тот самый, с мультяшным котом, который она приклеила ещё в прошлом году, когда переехала.

Она рванулась к нему, сорвала пальцами, прижала к груди. Бумага была шершавой, настоящей.

— Вот, — выдохнула она, протягивая стикер мужчине. — Вот доказательство. Я тут была. Я тут жила.

Он посмотрел на стикер, потом на неё — и в его усталых глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Это артефакт, — тихо сказал он. — Остаток прошлого сценария. Он не меняет статус.

Света сжала стикер в кулаке так, что края врезались в кожу.

— Тогда скажи мне хоть что-нибудь настоящее! Скажи, что Дима был. Что я не просто строчка в твоём расписании!

Мужчина помолчал, будто взвешивая слова.

— Дима был в твоей ветке сценария. Но ветка закрыта.

«Ветка сценария». Как будто она — не человек, а маршрут автобуса, который сняли с линии.

Где-то вдалеке, со стороны остановки, снова загудел автобус. «Маршрут скорректирован» — пронеслось в голове, как эхо.

Света попятилась, не сводя глаз с мужчины.

— Я не сяду, — прошептала она. — Я не хочу быть в вашем расписании.

Он не стал её хватать. Просто кивнул, будто принял её выбор, и тихо сказал:

— Тогда ты будешь считаться отклонением. А отклонения... корректируют.

Автобус загудел ближе.

И Света снова сорвалась с места. Не к подъезду — его не было. Не к мужчине — он был частью этой чужой системы. Она рванула в глубь двора, туда, где между домами была узкая щель, где росли кусты сирени и где в детстве она пряталась от дождя. Туда, где город ещё мог быть просто двором, а не схемой маршрутов.

Кусты хлестнули по лицу, ветки цеплялись за куртку, но она не останавливалась. За спиной, где-то далеко, всё ещё звучал ровный голос мужчины:

— Отклонение зафиксировано. Начинаем процедуру корректировки.

И вдруг чья-то рука схватила её за локоть — резко, но не грубо, будто чтобы просто удержать от падения. Света дёрнулась, хотела закричать, но увидела не форму оператора и не уставшее лицо мужчины в куртке, а обычную девушку — в растянутом худи, с расстёгнутой курткой, с тёмными кругами под глазами, но с живым, настоящим взглядом.

— Тихо, — прошептала девушка, прижимая палец к губам. — Не кричи. Они слышат звук.

Рядом, из приоткрытой двери подвала, пробивалась тусклая жёлтая полоса света. Из темноты выглянули ещё двое: парень в очках и женщина постарше, в вязаной кофте, которая казалась здесь совершенно неуместной — как будто она просто вышла вынести мусор и так и осталась прятаться.

— Сюда, — тихо сказала девушка в худи и потянула Свету вниз по бетонным ступеням.

Дверь за ними закрылась, отрезав уличный свет. В подвале пахло пылью, старым деревом и чем-то тёплым, почти домашним. На полу лежали одеяла, стояли пластиковые бутылки с водой, на стене висел лист бумаги, исчерканный стрелками и пометками.

Света хотела что-то сказать, но голос не слушался. Она просто смотрела на них — на этих людей, которые выглядели так же потерянно, как она себя чувствовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.